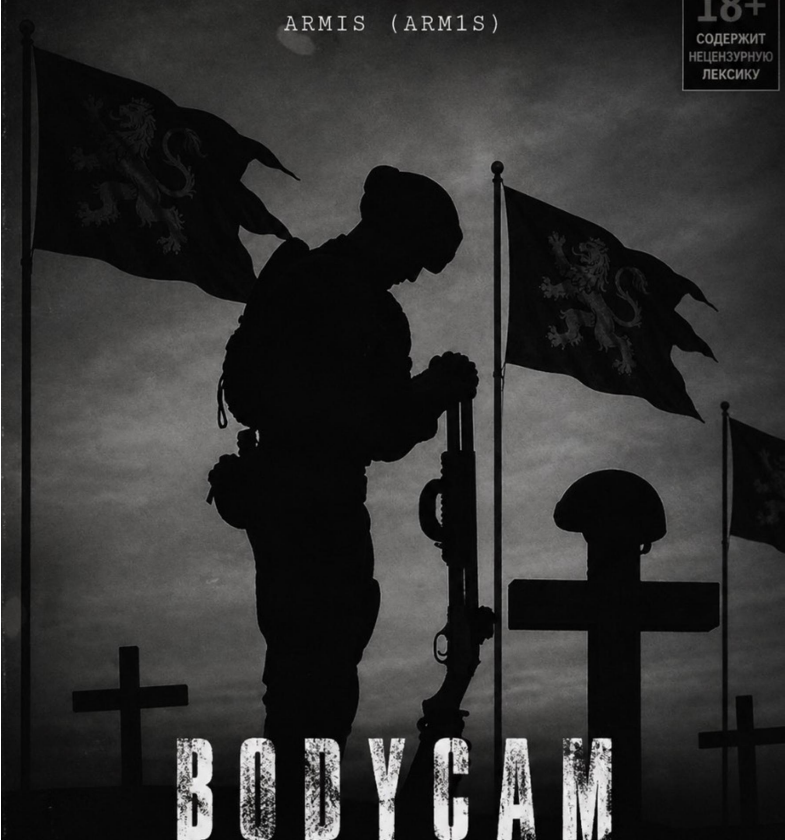

ARMIS (ARMIS)

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
ЛЕКСИКУ

ВОДУСАМ

НИКТО НЕ ВЫИГРЫВАЕТ ВОЙНУ

ВОЙНА НЕ ДЕЛАЕТ ГЕРОЕВ.
ОНА ДЕЛАЕТ ТРУПЫ.
А МЫ — ПРОСТО ЗАПИСЬ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНТИВОЕННАЯ ПРОЗА

18+

Армис Armis BODYCAM

<https://litres.ru/74266172>

SelfPub; 2026

Аннотация

История, о которой молчат власти и генералы

В мире, в котором нет безопасности или нормального выхода, не может быть какого-либо другого выбора, кроме как самого плохого.

Когда ты в детстве думаешь, что страшное — это подписать контракт, то это означает — с дьяволом

Но на самом деле ты подписываешь контракт с самим собой.

Со своей семьей

И ЧВК-островом.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Армис (Armīs - Arm1s) Armīs BODYCAM

Глава

Глава 1: Мы видим...

Меня зовут Элвис... Я швейцарский журналист и... Возможно даже писатель в каком-то роде...

И с тех окровавленных джунглей, где я побывал, как «бесплатный турист», несколько месяцев назад, я вытащил вагон своих самых страшных кошмаров, которые мог не только увидеть, но и понюхать...

Уж для кого не секрет термин слова — кошмары.

Кошмары бывают разные...

Будь то у маленьких детей после страшилок или у уставших больных стариков сонные параличи.

Но что тогда у солдат?

У мальчишек возраста, который дай Бог достигает 21 года...

Кошмар их особен тем, что он реален. И если ты убегаешь от своего кошмара и он тебя догоняет — то ты уже не встанешь.

Эти острова. О том, о чём я расскажу — вам не расскажут на уроках истории и не покажут в соц.сетях.

Никаких гениев войны, генералов и полководцев, сражающихся отважно за каждого своего солдата.

И лишь ребёнок, который еще только вчера встал со школьной скамьи — вот он твой новый командир.

Теория из новеньких учебников у него в мозгах и даже книжки генеральские не открыл не разу.

Дали двести человек, которые всего лишь то на пару лет младше него и старики-полковники глубоко уверены в своей победе...

И в этом лейтенанте...

И имя ему — Маркус Элоиза Вольфмарк.

[ЗАПИСЬ #45 / ЧВК-остров Люгерхаунхерд, СЕКТОР - ??? / «Люгерхаунхерд». Маркус Элоиза Вольфмарк — носитель. / 8:30. 31 Мая.]

2021 год.

Нательная камера на разгрузке немецкого командира 13-го отряда жужжала и мелко мерцала на ней яркая красная точка...

— Тут мы сжигаем жир наших душ... — Шептал Маркус, закрывая дверцу в раздевалке. — Ричард Хелмс?.. Стивен Кинг?..

— Эрнест Хэмингуэй, Герр-лейтенант Вольфмарк!.. — Сказал вдруг слева от Маркуса Герр-лейтенант Ганс фон

Мюгген. — Так сказал — Эрнест Хэмингуэй. Английский бокс, Нобелевская премия и двухствольное ружье...

Рыжеволосый Маркус хмыкнул, застёгивая ремень бронешлема на подбородке.

— Герр-лейтенант Мюгген... Сегодня тренировка должна быть в лучшем виде... Мы должны показать себя перед полковником лучшими офицерами и наёмниками ЧВК Люгерхаунхерд.

Ганс фон Мюгген — тот парнишка, что общался с Маркусом был коротковолосый брюнет с огромным шрамом на щеке. И это было явно не наследие детских травм, а что-то посильнее, учитывая свежесть рубца.

— Меня шас волнует куда чех пропал... Герр-лейтенант Кашпар!.. Кхм-кхм.. Лютер... — Сказал Ганс, видимо застёгивая камуфляжную рубашку и тут же сказал громче. — Лютер!

И тут выбегает это белобрысое чудо с полотенцем на голове и лишь в одних трусах за спину и быстро хватает брюнета за шею и хлипким предплечьем сдавил шею.

— Партизаны наступают, Ганс! Я тебя не слышу!.. Что надо говорить?!.

Ганс задышался и откинул голову назад схватившись обеими руками за предплечье Лютера.

— Я свой ужин не отдам... — Прошептал Ганс и Лютер лишь сжал предплечье.

— Чего-чего?! Не расслышал!..

— Не отдам, придурок!.. — Переставая поддаваться отчеканил Ганс и вырвался из хватки Лютера, толкнув его в грудь. — Вот за такие вот движения — я тебе за пиво в пабе «Fusion» не стану платить, понял?.. Чертов белобрыс!

— Герр-лейтенант Кашпар... — Как тут вмешался в разговор Маркус, бросив взгляд на полуголого Лютера. — Через минут десять мы должны быть на полигоне, а вы до сих пор не одеты... Друзья друзьями, а служб-!..

— Да понял, я понял, зануда! — Перебил громко Лютер и прыснул со смеху. — Не станет он платить, ага... Щас же!.. Ганс, мне надо что-то со своими ботинками делать! А то уже скоро развалятся...

Маркус закончив одеваться, накинул на себя патронташ для своего помпового дробовика и закрыл шкафчик введя свой пароль...

020821. И отдав честь, Маркус отпрапортовал.

— Я вас жду, офицерский состав!..

И молча затопал на выход из раздевалки...

Полигон.

Этот хмурый огромный полигон с убитой травой и гильзами, которые никто не убирал.

И кровь и пот пролились на этом полигоне и становилось лишь хуже. В воздухе играл запах дыма и пороха въедаясь в нос и не давая подышать свежим воздухом.

А толпа гремила обувью. Две сотни европейских наемников или попросту мобилизованных ничтожных малолеток,

которым максимум исполнилось лет девятнадцать.

Чехи. Французы. Словенцы. В Люгерхаунхердской машине плевать кому вешать погоны лишь бы всё делали ради денег или как сказали в повестке.

Все бежали марш-бросок и каждый чувствовал, как в ногах кровь буквально начинает закипать.

Крутая снаряга и винтовки с разными обвесами болтались на теле, как вяленая рыба на крючке. Все внешностью и своим видом были голодными и тощими...

Их шеи. У каждого шея была словно спичка, которая переломишь двумя пальцами.

— Ровнясь!!! — Уже после марш-броска вскричал Ганс, находясь поближе к Маркусу и Лютеру. — Смирно, солдаты!..

Все встали по стойке смирно, но не так уверенно... Шатались, как пьяницы и болтались как слизняки.

И к этому моменту пришёл в парадной форме и сытый мужчина пожилых лет — полковник Франц Люгерхаунхерд и кинул длинную речь, которую все слушали затаив и без того сбившиеся дыхание.

— На сегодня тренировку можно считать завершённой! Сегодня 31 Мая и для нас это самый важный момент в жизни каждого. Через несколько суток, мы вместе с морско-пехотным специализированным отрядом отправляемся в американ... кхм-кхм... На нашу будущую землю... Величать его Кхамронг! И в зависимости от того, как вы будете сражать-

ся — будет зависеть судьба вашей страны! Не ЧВК! А именно всей Европы!!! И спасти судьбу и Кхамронг от рук злых мерзавцев с пеной у рта — положено именно вам! Это вы — бронзовая молодежь Германии, которая не бросит Родину не смотря ни на что!

— Да!!! — Вскричали рядовые, пока Маркус, Лютер и Ганс стояли молча рядом с полковником.

— Идите с Богом, мои сыновья!!! Ибо он был с нашими предками рыцарских и военных кровей!

Маркус молча дыша через свою балаклаву с двумя самодельными вырезами для глаз, устало моргал в сторону Франца Люгерхаунхерда.

А наград то сколько, преданно подумал Маркус, в душе восхищаясь.

А рядовые радовались и смеялись, дёргая друг друга за воротники.

«Мы станем героями!», «Мной могут гордиться!», «Все девчонки мои!!!».

Но через пару мгновений, полигон опустел, а остались лишь офицеры и полковник.

— Вот что скажу вам, лейтенанты! Вы недавно здесь и могу вам сказать одно — это будет быстрая прогулка... Кхамронг уже наш, вы все сделаете буквально за пять минут! А если все пройдет ещё быстрее, вы сможете с гордостью носить вместо одной восьмигранной звезды две, а то и три звезды! Получите путевку домой... И денежное вознаграждение, как

наемникам — двести тысяч евро.

Лютер, Маркус и Ганс под балаклавами были буквально как под ударом электрошокера, но тут же одновременно отдали честь, отрапортовав.

— Рад служить, Герр-Полковник!!!

Глава 2: Мы говорим...

Маркус стоял на полигоне у деревянной изрешеченной мишени. В руках остывал ствол нового помпового дробовика. Металл раздражающе лязгал, а из-за астигматизма — коллиматорный прицел плыл. Точка становилась как свежий вырез на руке.

Пока он перезаряжался, не переставал думать...

Его пугал полковник и что-то толкало на нехорошие мысли о нем.

— Я себя накручиваю... Все ради матери... Все. Ради... Ма-а-атери!!! — Вскрикнул вмиг Маркус, так как после выстрела смачно откинул его плечо назад и ружье упала на траву. — Святая Мария!.. Спасибо, о дева, что уберегла...

И размахисто перекрестился, прижимая внутри кармана маленькую синюю иконку с Девой Марией и думал об отдаче, в его несчастное плечо прилетела чья-то ладонь... Это был Ганс.

— На дежурство вместо тебя придет Густаф... Вы... Тьфу ты!.. Ты свободен! — Сказал Ганс и улыбнувшись, зашаркал обувью по траве и тут же убежал из полигона.

А Маркус остался стоять, не прекращая думать и смотреть

на прекрасные синие звёзды...

В эту ночь они были особенными, словно послание из родного дома, где тепло и никто не ждёт от тебя геройства.

Но если полковник сказал, что надо — то так ему и быть...

Спустя два часа...

[ЗАПИСЬ #55 / ЧВК-остров Люгерхаунхерд, СЕКТОР - ??? / «Люгерхаунхерд». Ганс фон Мюгген — носитель. / 22:30]

Лунный яркий свет просачивался через тонкие окна темного паба. Аромат жаркое и картошки тянулся по всему острову-ЧВК.

Из кафе шла громкая американское диско, чоканье стаканов и даже чей-то пьяный свист.

Ганс сидел один — у хлипкой барной стойки со стеклянным стаканом светлого пива, тихо беседуя с барменом в форменных штанах, рыбацкой жилетке и камуфляжной рубашке.

Но тут с крайнего стола послышался пьяный свист пьяного молодца с покрасневшей мордой и новеньким беретом набекрень с компанией из девяти таких же пьяный балбесов... Походу один из морской пехоты. Тот как крикнет, но вежливо.

— Эй бармен! Сделай музыку потише!..

Бармен, стоявший за стойкой, нырнул под неё и покрутил регулятор. Музыка из колонок перестала давить на уши, но галдёж с того столика не прекращался.

Ганс перевел взгляд в глаза бармена и тот наклонился на-

встречу.

— Знаешь почему прошлую, бывшую бригаду горно-стрелкового спецназа называли «Бегемот» после их расформирования? — Обратился бармен к Гансу и презрительно кинул взгляд на алкашей.

Ганс опустил взгляд на пенку в стакане.

— Ну?

— Потому что те, когда были на базе, вот здесь прямо... То были спокойные-спокойные, прямо не отсвечивались, узким кругом отдыхали, понял? Говорили, что даже жили вместе, ха-ха... — Нервно хихикнул бармен.

— Ну и?

— А когда допустим какой-то кипишь начинается, их Франц первыми это разруливать отправлял и всегда блин теряли по одному человеку в отряде. Но зато громили митингующих красиво кто бы то не был... Кто-то пожалуется по типу «Где наши деньги?! Вы обещали нам деньги!» или «Вы меня не отправили домой как обещали! Я здесь уже два года!» и бах дубинкой в челюсть! На следующий день жрут пюре через трубочку и без передних зубов.

— И почему все-таки их называли «бегемотами»? , я и не понял...

Бармен усмехнулся, постучав себе кулаком по лбу.

— Ганс, включи свою прусскую голову. Ты думаешь бегемоты в природе всегда ленивые и добрые создания?.. Да они самые агрессивные твари, которых только Бог придумал...

Сначала они все спокойные, ленивые, узким кругом отдыхают в водоёмах... А когда начинается агрессия в их сторону, то сразу... Кабум за шиворот! — Бармен ударил кулаком по столу, в кафе даже никто не обратил внимание на это, но Ганс на рефлекс повернулся. — И цель превратилась в выжатый тюбик зубной пасты и очередным ужином для падали.

Ганс замолк. Скорее задумался, но тут же отвис.

— Понятно, Гюнтер Гаубиц... — Саркастично прозвал Ганс по полному имени бармена. — Вот теперь понятно начал разъясняться, биолог блин. А сколько их было?

— 9 человек вроде...

— 9? Разве не 4?

— 4? — Загнул бровь парень и тут же переспросил. — Ты точно о том отряде «бегемот» говоришь?

Ганс постучал пальцем по стойке, облокотившись другой рукой.

— А?.. Да не, забудь, я просто на глаз накинул цифру!

— Что-то ты как-то... — Бармен оглядел Ганса. — Выглядишь устало... Может домой пойдёшь?

— Да нет, я сегодня задержусь подольше наверное... Подготовь пока три светлых себе за мой счет и... — Он показал на свой полупустой стакан. — Ещё один такой, хорошее пиво...

— Для меня тоже надеюсь?

Ганс засмеялся.

— Да я для себя. Не хочу лишний раз с каруселью в голове

домой возвращаться, а ты нажрись пожалуйста, эти три стакана твои, да ложись спать... Потом другим человеком вернешься.

Бармен кивнул и из-под стойки достал две большие кружки и один пивной бокал чуть поменьше «Тюльпан».

— Ганс, а Ганс.

— М?

— Как ты с «фон» в полном своём имени сюда попал, дворянин хренов?

— Ганс фон Мюнген? Мои родители довольно состоятельные, но я думал не о будущем...

— А о чём? Как бы сдохнуть поскорей что-ли?

— Тихо!.. Тихо. — Зашипел Ганс, приложив палец ко рту.

— Ладно-ладно...

Помолчав ещё некоторое время, беседа продолжалась, уже с новым налитым стаканом приятного пива.

— Ну... — Выдохнул Ганс. — И, да и нет. Эти острова частных компаний меня до гроба доведут... Так или иначе. Если будем царапаться точно также как и через неделю на этом Кхамронге.

— Так как ты сюда вообще попал, фон дворянин?

Ганс задумался. Но оглядевшись, он наклонился.

— В 14 лет я думал о том как бы из дома поскорей свалить... Все это время родители мне в рыло пихали кисточки, да эти чёртовы краски и гуашь. — Ганса зубы в этот момент затрещали и посмотрел на руки — Как же я ненавидел эти

кисточки, проклял бы самого Леонардо Да Винчи... Хотели, чтобы был художником и чтобы ходил с ними на мероприятия с другими личностями дворянских корней. А я орал: «Не хочу! Не хочу!!!», вот прямо орал, как будто бы меня на казнь отправляют...

— По-человечески можно?

Ганс тут же посмотрел на глуповатый взгляд Гюнтера и выдохнул...

— Сноба из меня хотели сделать, так понятней?.. Который говорит через глоток «изысканного» шампанского... — Сказал Ганс и театрально приподнял руку. — Не нужен я дома никому без этого. Бросили меня и не пишут. Только младшая сестричка пишет, да вот только... Либо письма не приходят, либо с чистейшей цензурой. Прочерк... Прочерк... Прочерк... И так всю бумагу. Особенно часто говорила о том, как мать ругается, что я с ней общаюсь.

— Оу... Тяжело наверное?

— Какой тяжело?! 8-летней крохе бумагу цензурируют чины ЧВК за то, что она описала смерть бродячей собаки Рекса на нашем районе в Мюнхене... Эх, а особняк то большой был, увидел бы ты — обалдел от его шикарного вида, но желток внутри давно протух. — Прошептал Ганс.

— Только ты учти, фон Мюгген... Здесь золотых вилок нет.

— И слава Богу. — Перекрестился Ганс и поцеловал палец. — Что по поводу «сдохнуть» и о будущем — да я о нём

вообще не думаю. Будущее отстой, сейчас пока что думаю о настоящем.

— Но ты всегда можешь передумать... Я знаю таких как ты, которым и снобская жизнь была по душе после разорванного окопа или свиста пуль над головой.

— Ага, даже не мечтай... Нашел слабака и трус-!..

Как тут прогремел разбитый стакан за спиной. Ганс дрогнул, но тут же отвернулся, матюгнувшись.

— На счастье! Бармен, я заплачу! — Прозвучал крик и громкий смех, а затем тот, кто разбил, показал три пальца, особенно вытянув острый большой палец. — Ещё три стакана Скота!

Гюнтер нервно улыбнулся в их сторону.

— Будет сделано. — Ответил Гюнтер и наклонился к Гансу, кипя от злости. — Сука, они уже вторую бутылку выжрали...

— Хахахахаха... — Засмеялся Ганс, закрыв рот ладонью. — А потом мне Лютер говорит, что я пить не умею.

— Повезло, что меня пока на эту службу не взяли, но видимо скоро люди кончатся и персонал начнут брать... Сидеть с точно такими же дебилами, что за эти столиком, что в тихом омуте и окопе мне нервов не хватит... И печени.

— Да ни кому вообще ни печени, ни желудка, ни сердца и мускул не хватит, чтобы сюда идти служить... Но зато будет всё круто и без потерь, а главное... Быстро.

— Кстати, а где твои друзья?

— Какие друзья...

Ганс в этот момент как будто бы проснулся.

— Какие друзья?! — Повысил голос вмиг.

— Не знаю, но сегодня ночная смена должна быть. У нас раньше такие группы друзьяшками называ...

В горле будто бы запершило, а затем сжалась больно.

— Так я ж сегодня на смене!!! — Заорал в ужасе Ганс, перебив Гаубица и выбежал из кафе.

— Э! А заплатить?!

Но Ганса и след простыл, а входная дверь завизжала, ударившись об стену.

— Да уж! — Выкрикнул один из пьяниц у крайнего столика. — Похоже кто-то пить не умеет!

И снова разразился истеричный смех.

Гогот был громким, а хлопки по столу ещё громче. У Гюнтера нервно заморгал и закрыл уши руками.

— Меня тут нет...

[Из личного дневника. Элвис Рейксманн].

Как журналист, который уже отслужил своё в возрасте тех кого описываю — последнее чего я хочу, это снова идти на разведку Кхамронга после той кровавой бойни.

Когда кругом адская вонь, жара, руки потеют сами по себе...

Но самое что мне запомнилось...

Это тела...

И эти тела мне снились и сняться в кошмарах.

Глава 3: Мы теряем...

«Джунгли не прощают ошибок. Они просто ждут, когда ты оступишься.» — Фраза американских рейнджеров Вьетнамской войны.

5 Июня. 2021 год.

Глубокие и необитаемые джунгли... Лианы свежими ветвями ложились друг на друга и обвивали пальмы и растительность. Повсюду летали зелёные мухи и москиты, от такой жары плавился прицел, а одежда становилась мокрой тряпкой.

В лагере, с радаром на крыше одной из крытых палаток доносился громкий возглас...

[ЗАПИСЬ #350 / Остров Кхамронг, СЕКТОР А-1.1. / «БРАТСКИЙ УЗЕЛ. BLACK EAGLE.». Блэйк Дэвидсон Лайкманн — носитель. / 14:30. 5 Июня].

— И где он, чёрт побери? — Психовал молодой парень, сжав трубку радио в шатре с радаром. — То есть вы хотите сказать, что к нам техника не прибудет?!

— Сэр, мне жаль, но по этим джунглям ни один хаммер не проедет, сэр... — Ответ из радио раздался незамедлительно.

— Правда?! А я думал они там чечётку танцевать будут! Ах!.. Ладно, рядовой, отбой.

— Отбой, сэр, берегите себя! Мы постараемся уломать авиацию, но командование жадничает, сами понимаете, боятся за своих людей...

— А мы что?! Не свои?! — Вскипел блондин, его лицо

тут же перекосило.

На том конце трубки у рядового что-то будто бы в животе оторвалось, как в глупой комедии...

— Я-я-я не это имел, сэ-...

— Я сказал «Отбой»! Когда Блэйк Лайкманн говорит «Отбой», значит «Отбой»! — Крикнул парень и кинул чёрную трубку к крючкам радио... — Сука, паразиты.

Вена на виске опухла, а зубы сжались так, что заболела челюсть... Закрыв лицо руками, растирая потный лоб и кипя от злости.

— У моей базы и страны — авиации жопой жуй, а нам два сраных вертолёта жалеют!.. Фух, блин...

Блэйк выдохнул, встал с тумбочки, взял свой шлем и солнцезащитные очки и вышел из шатра.

Одет был этот красавец словно с иголки. И иголку знатно прокатали по грязи Вьетнамских джунглей...

В лёгкий бронежилет, напоминавший больше обычный рыбацкий жилет, чем штука, которая спасает от пули. В бледно-зеленой рубашке с закатанными рукавами и черных поношенных джинсах с коричневыми кожаными сапогами...

Жара вмиг ударила в лицо, аж глаза прослезились.

Мимо него прошёл темнокожий рядовой, державший себя за живот.

— Дэвис, в норме? — Окликнул Блэйк и подошёл ближе. — Ёмаё... Ты еле на ногах стоишь.

Тот тут же остановился, развернулся и дрожащей рукой,

отдал честь, за которую Блэйк ударил по холодной руке.

— Не делай херню, блин!.. — Тут же рывкнул Блэйк.

— Так точно, сэр... — Шипел рядовой, в «Multicam», с карабином М4А1 на плече и большим военным рюкзаком.

— Я абсолютно в норме.

— Уверен?

— Да, сэр, честное слово... — И натянул улыбку, но сдерживался, чтобы желудок не вывернуло, но капающая слюна по подбородку сдала его заторможенное состояние...

— «Честное слово»? — Поддразнил Блэйк и буквально ткнул пальцем в лоб парня. — А оно же ничего не стоит, а если и стоит, то только твоей эфиопской головы.

Парень промолчал, сжав губы, которые заметно дрожали...

— Не геройствуй только, итак, место паршивое, а ты мне ещё живым нужен, как миномётчик... — Добавил Блэйк. — Хочешь выпить?..

— Нет, сэр... — Простонал Дэвис и добавил больно умничая, поглядывая в сторону густых кустов. — Но я руковожу артиллерией... А-а-а не миномётами.

— Не поправляй меня!

Блэйк оглянувшись по сторонам, подошёл ближе и обнял за плечо, тихо прошептав.

— Сапёры на месте?

— Да, сэр, Маковский в строю и там ещё один... Того что... недавно перевели...

— Отлично, спасибо тебе... Иди морфий прими.

— Но я уже... Уже принял, земля из под ног уходит...

— Тогда еще принимай! Ребёнок что-ли, Дэвис?! Чтобы в случае чего был как штык, понял? — Рывкнул неадекватно Блэйк на 18-летнего парня.

— Так точно, сэр. — Выдавил парнишка и запетлял в сторону шатра с красным крестом.

Блэйк одел шлем и очки, гордо подняв голову к солнцу и зашаркал по лагерю... Проходя гордым взглядом по лагерю, видел пулемётчиков, что помогали друг другу зарядить пулемётную ленту. Видел пехотинцев, что прикрывались от солнца за уже полудохлыми и бесполезными хаммерами, пытаюсь втолкнуть в себя консервированную ветчину, но от этого только сильнее выворачивало. Из-за жары и застоявшихся консерв хотелось быть волком рядовым, но при виде бригадного офицера Лайкманна молчали, словно в тряпку, попутно стараясь даже делать селфи на раскалённых экранах своих смартфонов вместе с оружием.

Но стоило лишь убрать глаза от экрана и посмотреть на джунгли, потом на бушующий и бесяий океан — парней, которые заболели за это время цингой или малярией снова бледнели, буквально ходя в туалет под себя...

— Сержант Флейшер и сапёр Маковский ко мне! — крикнул в сторону скопления солдат Блэйк и двое бойцов, тут же подняв глаза, взяли карабины в руки и побежали к нему.

— Сэр, сержант Алекс Флейшер прибыл, сэр! — крикнул

Алекс, и подбежав встал перед Блэйком, поставив карабин М4А1 к ноге.

— Сэр, капрал Мойша Маковский прибыл, сэр! — подбежал другой солдат и встал рядом с Алексом.

— Мне прямо сейчас нужно, чтобы вы исследовали во-круг нашего лагеря и искали взрывчатку, чтобы точно быть готовыми ко встрече со львами Люгерхаунхерда. — приказал Блэйк, оглядывая лазурными глазами двух своих бойцов. — Вопросы?

— Сэр, как скоро будут лекарства? Люк в соседней палатке уже третий раз встаёт с койки и тут же падает как подкошенный. Бледный как мел. — как тут прорезал всегда шутливый Мойша, но уже без своей ухмылки.

Блэйк тут же вспомнил этого мальчика, который до того, как они прибыли на этот остров, любил выкладывать посты в соц. сети со своей автоматической винтовкой...

— Люк Майерс? — Спросил Блэйк.

— Так точно, сэр. — Ответил Мойша, кивнув офицеру.

— Я сам не знаю, что делать с транспортировкой лекарств, сейчас проблема из-за немецких морских патрулей!.. — Не желая этого, соврал Блэйк, тяжело моргая. — На этом лимит вопросов закончился! За дело, вы свободны!

По Мойше было видно, что он плакал всё утро из-за вчерашнего отравления грязной водой. Он чувствовал, как внутри него под ребром что-то горело, а тощие колени в модных штанах с наколенниками камуфляжа Multicam заметно

дрожали.

— Сэр, есть, сэр! — Хором, но хрипло тут же запели парни, не теряя ни секунды, побежали в сторону джунглей.

На этом запись мгновенно прервалась из-за перегрева камеры.

[ЗАПИСЬ #351 / Остров Кхамронг, СЕКТОР А-1.1. / «BLACK EAGLE». Мойша Маковский, Алекс Флейшер — носители. / 14:55].

Ботинки тут же повязли в грязи, шлем питался потом. На лицо летели мухи, больно кусаясь, оставляя красные волдыри...

— Как ты там сказал, Алекс? — с издевкой спросил Маковский, стараясь не думать о покалывании в животе. — Зима лучше лета?

Алекс цокнул, слушая каждый шорох, треск палок и хлоппанье грязи под ногами.

— Хватит болтать, а то всех «Люгерских» спугнешь... — тихо рявкнул Алекс, держась за цевье.

— Если они хотят помериться со мной силой, пусть попробуют, у них даже перед нами нету никаких либо шансов, особенно если пойдём...Пф! Кха-кха-кха! —Закашлял Мойша, из-за мухи залетевшей ему в рот. Горечь во рту адски раздражило язык. — Боже, сколько мух? Когда я служил на ближнем востоке так не было такой проблемы!..

— Я сказал заткнись, Мойша... — рявкнул громким шёпотом.

— А что? В Израиле снаряга и винтовки были по круче. Все мои посты на стенке моего профиля, набирают сотни лайков за эту винтовку.

Алекс глянул на карабин Мойши. И правда крутой карабин, да еще и без дополнительной рукоятки и дорогостоящим ЛЦУ на цевье.

— Круто... Но я требовал тебя заткнутьс-!

Они услышали какой-то треск.

Как будто бы кто-то шагнул или что-то щёлкнуло под кучей грязи.

У Алекса сердце замерло и тут же наступила гробовая тишина.

— Тсс... Я слышу кого-то, иди на девять часов, я пойду на двенадцать, на месте назовёшь свой статус. — Пробормотал Алекс.

Мойша как будто бы проснулся и всё-таки приняв серьёзность ситуации, пошёл налево, переступив через тропинку.

Он поднял ствол своего карабина.

Опустил руку с рукояти и взвёл затвор. Затвор отпустил, и рука снова легла на рукоять.

Каждый шаг словно отрепетирован по этой земле.

— Хитрый, ну что там у тебя? — спросил по рации тихо-тихо как только мог Алекс.

— Пока тихо... — Не успел кинуть ещё одну колкость Мойша услышал за деревом ещё один шорох и как будто бы... Тень, которая отбежала от этого несчастного дерева. —

погоды, я что-то слышу-слышу... Иди сюда, скорей.

Мойша ускорил шаг. Зубы застучали, а руки сжали карабин. Чувство адреналина ударило в голову, что-то кричало в его голове — Беги!

Но он не убежал.

Доковыляв до дерева и облокотившись, быстро выглянул, смотря в окуляр коллиматорного прицела...

Шумели цикады, и летали мелкие вредители.

Он обошёл дерево и глаза упали на какую-то шкатулку, лежавшую под деревом. Фиолетовую, с деревянной щеколдой.

Мойша напрягся и укусил нижнюю губу.

Но оставлять шкатулку нельзя, подумал он.

Положил оружие у дерева, сел на колени в сырую землю и аккуратно обеими руками потянулся к шкатулке. Никаких верёвок, детонаторов и гранат не было. Была лишь обычная безобидная шкатулка, которая у него даже была в детстве. Встряхнув красивую коробочку, отстегнул защелку и приподнял крышку, внимательно опустив глаза, посмотрел в щель...

Тут его будто бы током пробило всё тело, и он просто бездыханно рухнул мордой в грязь.

Пуля, прошла через шлем и воткнулась в дерево...

Лютер в маскхалате и покрасневшими глазами, высунулся из грязной воронки по уши залитой грязной застоявшейся воды, как из дешёвой снайперской позиции. Тканевая вуаль

на лице царапала лицо и нос, а маскхалат цеплялся за грязь. Ботинки натирали ноги, сводя с ума от боли.

Алекс, услышав выстрел, тихо сел на одно колено и опустив голову достал рацию.

— Алекс — Хитрому, Алекс — Хитрому, как слышно? Мойша, что там у тебя? — спросил тихо Алекс, но не получил ответа. — Мойша ответь, твой статус?..

Алекс, выдыхал раскалённый воздух, пока вовсе не разревелся, укусив себя за палец, а нагрудная камера шаталась на разгрузке и словно сама по себе дёргалась.

— Это Блэйк... Лекс, ваш статус? — Прозвучал голос по рации.

— Сэр, у нас завёлся снайпер, координаты неизвестны, Мойша убит, я остался один... — с перебитым голосом сказал Алекс.

— Обнули снайпера, он один?

— Никак не могу сказать, сэр...

— А приблизительно знаешь, где он?

— Я не знаю, но я отправил Мойшу на девять часов, возможно снайпер на девять и один... Я ничего не могу сказать, сэр, правда, меня не было рядом с Мойшей... Как я мог там его оставить.

— Алекс.

— Мама... Сука меня сейчас тоже убьют.

— Алекс!!! — Взорвался Блэйк на парня в истерике, но тот тут же успокоился, хоть и не так визуально.

— Я не знаю где он... Не знаю.

— Ладно-Ладно, сержант, не реветь. Отвлеки его и пусть он выдаст своё местоположение, постарайтесь взять живьём, ясно?

— Так точно, сэр...

— Тело Хитрого забери... Только недавно он здесь.

Связь оборвалась, и Алекс остался снова один.

Один на один со снайпером.

Алекс перебегал от одного липкого дерева к другому. Не успев добежать до тела Мойши, в дерево рядом с Алексом прилетели щепки дерева от пуль, потом ещё и ещё...

Лютер стрелял по дереву, в надежде прострелить насквозь.

Алекса заложило уши, а пальцы переставали слушаться.

Он высунул ствол автомата и нажал на спуск. Огневая очередь оглушила его, и он практически ничего не слышал, карабин выпрыгнул из руки. Сжавшись к дереву, он дрожал как кролик, схватившись за ремни шлема.

А Лютер не успокаивался, продолжая стрелять по деревьям. Идеальный обзор раскрывал все деревья на расстоянии в чертовские пятьдесят метров.

Он стрелял в тело Мойши, выбив ему глаз из глазницы, практически вбивая в дерево и заставляя его руки бледнеть и коченеть, а Алекс всё это видел, сжав губы, издал истеричный стон.

Дрожащими руками, Алекс схватился за ремень автома-

та. Пустой магазин выпал из автомата, а новый воткнул не с первого раза...

Кое-как вставив и не уверенный, что оружие заработает после такого броска, он схватился за свой жилет в поиске гранаты. Выдернув чеку и на размах, кинул лимонку.

Прозвучал хлопок, повеяла резкая вонь пороха...

Закрыв глаза... И высунул голову, затянув шлем ремня, больно царапая подбородок.

Ноги сами быстро повели к воронке и через несколько секунд шага...

— А?

Лютер выскочил из воронки, палец нажал на спуск.

Эхо поглотило выстрел, а цикады перестали стрекотать...

Сделав глубокий выдох, Лютер подбежал к телу Алекса с разнесённой на части головой и схватив за ноги, развязывал шнурки на кедах...

Пальцы не слушались, а глаза скользили по деревьям.

— Мне нужней, мне н-н-н...

Как тут вдали он услышал шум, напоминающий взрыв пестард. Лютер не сообразил, а с выпученными глазами уставился вдаль...

Выкинув вуаль с лица, он обхватил винтовку подмышкой и быстро засверкал пятками.

— Уходит!

— Скотина!

Лютер бежал зигзагами, плечом ударился об дерево. Зем-

ля дрожала под ногами, дыхание рвалось так, что он выплёвывал свои лёгкие, но ноги бежали и не останавливались...

— Не умри... — Бормотал Лютер и тут же подвернул ногу...

Его старые ботинки были разорваны, подошва отклеилась...

Выбора не осталось, и он их выбросил ко всем чертям.

Но тут в стреляющий вслед отряд из Black Eagle полился шквал из пулемётного обстрела.

А за ним слышался свисток Блэйка и рев его винтовки M16A1 словно крик из самого Вьетнама.

— Контакт на двенадцать часов! Всем держать эту линию!!!

Время шло на секунды, а кровь стыла от свистка американского офицера.

Лютер, быстро добегая к длинным окопам, размахивал руками пока не упал в один из них и его тут же подхватил быстро прибывший Ганс и пара медиков.

— Лютер. Лютер на меня смотри, куда тебя ранило? Лютер не закатывай глаза!..

[ЗАПИСЬ #100 / Остров Кхамронг, СЕКТОР А-1.1. / «Люгерхаунхерд». Лютер Кашпар, Маркус Элоиза Вольфмарк — носители. / 15:30].

Маркус сжимал дробовик в глубокой вырытой яме, среди него было ещё сотня солдат. Кто-то курил, кто-то в ужасе боялся вылезти, пока остальные пулемётчики стреляли с их,

и с вражеской стороны...

В полу сидячем положении, Ганс на другом краю окопа пытался перевязывать босые стопы Лютера, пока тот не прекращал биться в истеричном припадке и царапать приклад ногтями ладони. В этот момент как будто бы вся его радостная офицерская физиономия стёрлась в этой грязи... Он орал. Орал просто в пустоту, пока одиночная стрельба с немецких автоматических винтовок.

Земля дрожала, пулемёты и винтовки рычали, а ручные гранаты хлопали как дверные петли...

С двух сторон набегали бледные силуэты, словно живым щитом шли. Тех кого только-только записали в полевую госпиталь — массовой атакой заставили подняться в бой.

Маркус не успел даже прийти в себя этот момент, увидел рядом с собой солдата из его же отряда, который несколько минут назад говорил с ним о пиве, пока рыл этот окоп, но рискнул высунуться из ямы и через миг остался без челюсти.

Маркус тут же подполз к нему, но подёргав за куртку, он посмотрел на лицо. Пацан хрипел, а голова уже не сдерживаясь дёргалась из стороны в сторону... А затем вовсе замер, не подавая признаков жизни.

Маркус хотел откачать, как-то воскресить... Но лишь махнул рукой и развернулся.

— Ганс?! — Крикнул Маркус среди толпы, шлем на голове сползал, но поднял глаза с ямы прямо на бой.

Из деревьев и лесоповалов, выбегали обезображенные

фигуры, которые тут же падали и больше не вставали.

Маркуса задёргало... От каждого выстрела он дёргал головой, а шею страшно сводило и не давало пошевелиться.

Американский рядовой снял шлем и опустив винтовку, ходил кругами, словно забыв обо всём, даже забыв о том, что стоит на линии огня и также упал без каких-либо признаков жизни, дёргая левой ногой по земле.

Другой солдат... Так и не разобрав кто это был — стонал, волоча за собой оторванные ноги от случайного осколка, пока и сам не схватил свою пулю в кадык...

Через левый бок Маркуса перекрутился в яму белокурый пулемётчик, не прекращая мычать.

— Они промахнулись! Они промахнулись!.. Фельдшер... Ах! Медик, кто-нибудь.

Он схватился за живот, из которого текла ярко-красная, почти розовая кровь. Но мучался он недолго. Увидев в его руках белый смартфон и мигом понял, что тот хотел сфоткать на память свой обстрел для нового блога, словно находился на экскурсии...

Земля не прекращала дрожать и лететь в лицо крупными кусками.

Ганс не мог сделать узелок на проколотой ноге Лютера, он не чувствовал концы пальцев и побивал их об собственную голень, пока энергичный удар миномётного снаряда не сбило его с колена, на мокрую землю.

По другой стороне орал Маркус...

Началась буквально паника. Солдаты Люгерхаунхерда не выдерживали и убегали из окопа, унося с собой всё что только могли.

Патроны. Своих друзей со школьной скамьи, но тут же их разрывало от пулемётного обстрела...

Тут же валились мордой в грязь, не прекращая звать всех кого могли вспомнить.

Отряд Блэйка зажало немецких офицеров и их людей пулеметным и минометным обстрелом...

Ганс сдался и опрокинул под себя шлем... И кинув дымовую шашку в линию огня, крикнул что было сил.

— Отряд! Все за мной! За мной! Выходим!!!

— Ганс, стой! — Орал Маркус на другом конце так и не поняв, где Ганс, пока все свояки с жутким криком повыскакивали, оставив рыжего позади... — Ганс?! Ты где?! Парни, не бросайте меня!

Яма мгновенно опустела. Маркус схватился за дробовик и поднявшись на середину окопа, хотел закинуть ногу прямо на землю.

Но тут в глаза ударила белая вспышка и всё вокруг мигом замерцало, он сжал уши в руках и упал на бок прямо в окоп. Ударившись головой об другую сторону окопа, мигом всё потеряло звук, а во рту заиграл кислый вкус...

Слёзы покатались по лицу, а ноги перестали слушаться. Он слышал крики и адское "БЛЯЯЯЯЯЯЯТЬ!" вдали, раздирая душу...

— Хватит... — Маркус стиснул зубы, издав нытьё и сжав к груди синюю икону. — Хватит... Всё... Не могу больше...

Выстрелы не прекращались, а один живой Маркус дрожал...

Дрожал в мокрой яме, брошенное ружьё в грязи, стеклянные глаза рядом лежавшего тела без челюсти...

Негде было спрятаться, некуда убежать.

Холод окутал всё тело, а в глазах не прекращали мигать чёрные точки.

Как тут что-то в землю ударило...

Ударило так, что Маркус сомкнул веки без движения.

А дыхание затихло...

Вокруг всё затихло.

Бой затих также, как и затих Маркус.

И только стон было слышно, да и взрыв недорвавшихся и слепых снарядов...

Очки.

«Элвис это не имеет смысла.» — говорила мне бывшая жена, смеясь надо мной...

А потом я снова ритмично заморгал и вовремя перешагнул мимо гниющего окопа, чтобы не упасть внутрь.

Внутри лежащих полчищем полусгнивших тел, я ходил по костям и черепам уже на поле, где проходил бой...

Вокруг лежали гильзы, которые скользили под моими ботинками. Современные... Относительно современные, так

как уже давно сгнили от поражения коррозии, винтовки M16, M4A1, MP5 и даже среди них лежал...

В этот момент у меня глаза впервые расширились и я подошёл ещё ближе к одному телу в выцветших зелёных тряпках, шлеме M1 и разбитыми очками рядом. Винтовка M16A1, как из фильмов про Вьетнамскую войну. Вся грязная, в земле и траве...

Буквально убитая ржавчина, мусор... Груда металла, а не винтовка.

Но трогать я не стал, страшно было трогать и оставлять что-либо, что не могло бы оставить, например какое-нибудь животное, которое видимо и оставило эти обглоданные человеческие кости.

Но кое-что я всё равно взял собой, и я до сих пор надеюсь, что об этом никто не узнает, а если и узнает, то подумает, что это забрала какая-нибудь инородная или Бог знает — какая-нибудь сорока.

[Из личных записей. Элвис Рейксманн.].

Очки. Солнцезащитные судя по пожелтевшим и выцветшим стёклам лежавших рядом. А под душкой были инициалы белым маркером, которые до сих пор не пропали...

B.D.L.

Не знаю... Может я смогу расшифровать эти буквы. Может имя того тела? Какая-нибудь модная итальянская фирма очков?..

Я найду ответы. Я узнаю кто владелец.

Глава 4: Мы ломаемся...

Маркус открыл глаза. Привкус рвоты во рту чувствовался после каждого вдоха. Он старался встать, но при мысли о том, чтобы высунуться из ямы, всё так же лежал, обнимая колени...

Что-то ждёт его там.

Что-то прилетит, и свет погаснет.

В лицо бил закат, отражавшийся от пальм. Вечерело, скоро всё поглотит ночь. Явно пролежал здесь не первый проклятый час.

Осмелев, он поднял взгляд. В горле встал ком, который невозможно было сглотнуть, а глаза стали другими. Повсюду лежали обезображенные трупы, на дереве висела чья-то половина тела...

Маркус выбрался из воронки и ступил в грязь. Больные ноги тяжело повели его вперёд, мимо растерзанных мертвецов.

Один из бойцов — с оторванным носом, челюстью и выбитым глазом — ещё хрипел, пытаясь набрать воздуха в лёгкие. Чуть дальше ефрейтор захлёбывался в жиже, судорожно зажимая пальцем сонную артерию, чтобы не истечь кровью.

Повсюду воняло тухлятиной и гарью. Глаза слезились, лицо Маркуса свело страшной гримасой. Увидев этот ад, он попытался подорваться с места... но ноги тут же увязли в мягкой земле, и парень рухнул лицом в лужу, измазав и изуродовав крутой камуфляж и бронежилет в грязи.

В голове пролетели искры. На секунду почудился запах парфюма... Маминых духов. Но стоило вдохнуть ещё раз, как реальность мигом отбросила назад, стирая галлюцинации.

Подняв голову, он увидел Блэйка. Тот лежал в грязном шлеме, сплошь исписанном белым маркером. Линзы его очков были разбиты вдребезги, из разорванной шеи хлестала свежая кровь. Американец держался за рану, уставившись в небо. Лазурные глаза слепли, изо рта вырывался лишь глухой хрип.

Маркус закричал, облепив его руками. Грубо отдернув пальцы раненого от шеи, он сорвал чёрные звёзды с воротника оливковой рубашки. Дергая за бронежилет, попытался выковырять армейские жетоны и стянуть разбитые очки...

Но силы оставили его. В глазах темнело. Казалось, сделай он ещё один вдох — и его вырвет в первый и последний раз.

Черноватые, пахнувшие могилой звёзды... Очки с золотистыми дужками и тёмно-голубыми осколками стёкол.

Засунув трофейные звёзды в липкий карман, Маркус оставил очки на трупе, поднялся и попятился куда глаза глядят. Сознание уплывало, шея и ноги наливались свинцом. Наткнувшись на поваленное наискосок дерево, он повалился в мокрую грязь. Бодикамера на груди заискрилась, выдала последнюю судорожную вспышку и погасла.

Мир погрузился во тьму.

Маркус снова открыл глаза, которые хотел закрыть наве-

гда. Он стоял словно на стекле — ни пространства, ни времени. Встал, осмотрелся. Ни мертвецов, ни Ганса с Лютером, ни «черных орлов», ни самого острова...

— Сон... — прошептал Маркус и больно ущипнул себя за руку.

Не проснулся. Он всё ещё здесь.

Он шёл и шёл вперед по бесконечному коридору. Ног не чувствовал, как и мозолей от тяжёлых ботинок. Слышался только собственный топот.

Вдруг посреди ничто возникла чёрная, исцарапанная дверь.

— Что за хрень? — шепнул он, потянул за ручку и со скрипом отворил её.

В комнате, на мягком махровом кресле, сидела тёмная фигура. Сидела величественно, закинув ногу на ногу. Незнакомец был безоружен и с виду опасности не представлял.

— Я тебя ждал, — сказал он. Голос звучал странно, будто искажённый на зажёванной видеокассете.

Стены комнаты были ободраны, в воздухе пахло старой изношенной мебелью. Незнакомец сидел в камуфляже «Флектарн», шлеме и тактических перчатках.

— Ты кто такой? — выдавил Маркус, не узнавая собственный голос.

Собеседник не поднял головы, отвечая спокойно и лаконично:

— Меня зовут Калиго. А тебя?

— Меня... — он замялся. — Маркус.

— Приятно познакомиться, друг.

— А мне не особо... Что я здесь делаю? Это сон?

— Слишком много вопросов, приятель, — тихо обронил Калиго и наконец поднял взгляд.

Лица не было. Ни кожи, ни глаз — ничего. Только чёрная балаклава без единого выреза.

— Но ты не переживай, я всё объясню, когда придёт время. Просто подожди, ладно?

— Что ты собрался объяснять?! Верни меня обратно, если можешь! — вспыхнул Маркус.

— А почему ты сам не можешь проснуться? И почему ты так со мной разговариваешь, друг? — со жгучей, обиженной интонацией протянул Калиго.

Маркус изменился в лице, вытаращил глаза и закусил губу. В помещении стало настолько тихо, что в черепе застучал собственный пульс.

— Ты любишь большие дома? — вдруг спросил человек в балаклаве.

— Что?..

— Просыпайся, Маркус! — рявкнул Калиго.

Он тут же подорвался на тёплом песке.

— Герр-лейтенант! Герр-лейтенант... Святой Марии слава! Вы живы... — Шептал рядовой, затягивая бинт на голове Маркуса.

А Ганс бегал вокруг и шевелил не соображающих рядо-

вых, но было слышно лишь одно...

— Чисто!!! Отступаем отсюда обратно на базу! Эвакуируем раненых, живо!

Маркус слышал только одно — надрывный гул катеров у берега захваченного Кхамронга.

Он судорожно повернулся и принялся рыть под собой песок, будто его родной дробовик должен был лежать прямо здесь.

— Где он... Где?.. — бормотал Маркус, сдирая ногти о песчинки.

Оружие утеряно.

Но паника утихла. Главное — хоть кто-то из его отряда выжил.

Но что теперь делать с остальными?..

Он чувствовал как скулы похудели, руки и ноги покалывала как ударом тока...

А мысли.

Будто бы видел серые помехи.

И эти серые помехи, проводили его, пока он снова не отключился на борту боевого катера.

Глава 5: Но мы сражаемся...

[Из личных записей Элвиса Рейксманна.]

9 Июня. 2021 год.

А я все что ждал этот момент после той бойни в джунглях Кхамронга, и тогда я ещё не поплыл самому туда...

День был на острове то слишком жарким, то слишком хо-

лодным. Ветер дул, медленно становясь ветерком.

Никогда уже не вспомню того момента как я вообще получил доступ к тому острову и пришёл в большой госпиталь, издали напоминавший штаб этого острова, только чуть больше и решётками на окнах всех этажей. Может из-за моей журналистики меня сюда пустили? Может личных мотивов? Хорошее настроение? Пьяное командование?..

Но если честно, мне сейчас всё равно, ближе к рассказу.

Я был госпитале, где лежал этот пацан, молодой и пережёванный.

Маркус Элоиза Вольфмарк. Мой немецкий мальчик, за которым я следил для рукописей.

Точно таких же лежало не знаю... может пятьдесят, а может и меньше, с перевязанными глазами, руками и кто-то даже с перевязанной пастью...

Я увидел, как парень с растрепанными пепельными волосами и в грязной футболке, сидевший недалеко ото всех возле окна, пытался зубами перегрызть вены на предплечье и отвязать обмотанный вокруг запястья бинт, но тут же к нему подбежали санитары, не давая ему совершить акт самоубийства, хватали за руки и пытались его успокоить, попутно перевязывая уже фонтаном текущую кровь.

Он все кричал и кричал...

Ох, твою же мать, никогда не забуду, как он орал: «Дайте мне сдохнуть, твари! Он! Он сказал, что мне здесь делать нечего!».

Он...Он...Он.

Как же они меня тогда бесили и в тоже время пугали этим «он»!

Я даже не знал о ком они говорили... Но, если честно — лучше бы и дальше не знал.

Утопая в размышлениях я чуть не уткнулся в стену и в этот момент я пришел к нему, к кому давно хотел.

— Маркус Вольфмарк? — спросил я, нагнувшись к его кровати. Я был попросту очарован его внешностью, но стоило ему открыть глаза моя улыбка сползла с лица, а губы сжались в точку.

Щёки были исхудавшие, кожа бледная, а глаза полу закрытые с чёрными мешками пол глазами, как у сони.

Он выглядел исхудавшим в белой футболке и в той толстенной камуфляжной форме из фотоотчётов, выглядевший как качок и суровый офицер, здесь был... Просто голодный и уставший малец.

— Я. — ответил Маркус, не моргая и поднялся на локти.

— Я... — У меня в этот момент воздух выбился из лёгких, а ладони сами сжались в кулак...

Спрашивать откровенные вопросы у офицера, особенно после многочасовой эвакуации и потерей из отряда...?

Но я был обязан узнать ответы. Если бы не выбил из него всё, что он знал — мы бы и не встретились никогда, а истории не было.

— Я Элвис Рейксманн, военный журналист из Берна, хо-

тел бы у вас взять интервью, вы не против?..

— М... — хмыкнул Маркус многозначительно и закашляв, лёг обратно уставившись мне в глаза.

Маркус смотрел на меня абсолютно спокойно, не смотря на перевязанный лоб и нижнюю челюсть... Но мне было некомфортно так, что хотелось искренне извиниться и попросту уйти.

Представляете, да? Хотя и был неопытен в журналистике, а через месяц день рождения... Я — здоровый лоб, боялся смотреть в глаза мальчишке возраста восемнадцати-девятнадцати и, если честно, даже сейчас боюсь на себе почувствовать этот пустой взгляд. Ровные брови, сжатая челюсть, а глаза, как осколки разбитого зеркала.

Пока я говорил, он слушал меня как будто бы фоновый шум, но не спускал с меня глаз, а я как раз таки наоборот старался не смотреть ему в глаза, приглядывая в белоснежный пол.

Договорив, я спросил у Маркуса, не подумав своей тупой башкой.

— Скажите пожалуйста, Герр-лейтенант... Вы сожалеете о потерях?

В этот момент госпиталь как будто бы замолк.

Дыхание и храп затихли, санитары позади меня застыли, а я как дурак даже не обратил на это внимания, всё также продолжал смотреть в глаза Маркуса, который смотря на меня медленно бледнел, а губы дрожали как моторчик... А затем

я оглянулся назад. Все вокруг как будто бы стали статуями, а глаза были нацелены на меня.

Но стоило посмотреть на этого парня с пепельными волосами ещё раз, как тот уже массажировал пальцами свой висок.

Даже не массажировал, а почти что царапал ногтями, но стоило мне открыть рот.

— Вольфмар... — Потеряв дар речи пытался сказать я и повернулся к нему обратно.

Как тот плакал. Истерично, сжавшись в одеяло.

Сзади меня подошел санитар и грубо схватив за мою выглаженную рубашку приказал.

— Герр-журналист, я вам рекомендую уходить отсюда, пока вы тут всех до инфаркта не довели!.. Если вы не знаете, как правильно разговаривать с этим «мясом», то не лезьте.

Я тут же послушно поднялся и пропетлял за очкастым санитаром, но нервно слушая смех этого чудака, я начал слышать всхлипы.

Это он начал плакать, всё также истерично.

Он обнимал подушку, пока санитары, по правде говоря, делали вид, что старались ему помочь и как-то успокоить, но его истерика становилась только громче, на весь-весь госпиталь.

— Я не хотел всего этого!.. — Его ор меня глушил, но он продолжал разрывать свои голосовые связки и мычать. — Не хотел! Я ничего не хотел!..

Двери госпиталя захлопнулись... А первое, что я почувствовал — это то каким был тихим снаружи этот остров... Птицы пели, цикады стрекотали и зелёная листва медленно отрывалась от веток и летала повсюду, осыпая асфальт.

Неподалеку от меня промаршировали пару мальчишек в чистенькой парадной форме.

Я сел у ступенек этого госпиталя, посмотрев на свои мокасины и просто застыл...

— Мясо... — В голове засело слово санитара и тихо вспылал наивно. — Ты кого так называешь, мерзавец? Бога бойся!..

Солнце пекло волосы, также как и мысли...

— Вы в норме, мужчина?

Надо мной повисла тень, я поднял голову... И первое что увидел это огромный рубец на щеке, а затем взор ударил на короткие чёрные волосы.

— Вас солнце перегрело? Отойдите в тень. — Сказал он с хмурым выражением лица и с такой мордой, что будто бы тоже отошёл недалеко от Маркуса.

Я лишь повертел головой.

— Да нет-нет... Можно спросить? — Чутка напугано спросил у парнишки и показал пальцем на его щеку. — А-а откуда шрам?

Он сначала на меня посмотрел. Я даже вмиг задрожал. Боясь, что он также как и Маркус впадёт в истерику или вовсе застынет со стеклянным взглядом...

Но он фыркнул и меня вмиг будто бы отпустило.

— Да так. На учениях не тому, кому надо, безмозглому придурку гранату дали... Он испугался её бросать, а в итоге соскользнула с его рук без чеки... — А затем вздохнул. — Такая кровавая каша была... Брр! И всё моё лицо тоже, щёку оторвало, повезло глаз не задело... Но помощь быстро оказали, меня починили, а того пацана нет... Сейчас здесь перед вами стою, относительно в целости... Относительно.

Я на него смотрел как на полудурка, но во мне что-то сжалось. Даже не знаю, что в этот момент хотелось делать — плакать или вздохнуть в ответ? Но из языка вырвался ещё один вопрос.

— И ты как вообще?

— Я? Да отлично себя чувствую, герр...

Он замолчал, посмотрев на меня прищуренными, опухшими от бессонницы глазами.

— Элвис. — Я отчеканил своё имя посмотрев на асфальт.

— А я Ганс фон Мюгген... Будем знакомы?

Не успел насмотреться на асфальт, на поле зрение протянулась рука парнишки.

Я её крепко принял и встал на ноги.

— Элвис Рейксманн, приехал из Берн, для военной журналистики... Мечтаю рассказать о деятельности молодых солдат на островах частной военной компании.

— Журналистика? — Протянул Ганс, горько ухмыльнувшись, а его ладонь сжалась в рукопожатии.

Рука у него была как у сухого калача. Как будто бы тески мое запястье сжали.

— Да, журналистика. Я пришёл к одному из ваших офицеров... — Задумался я и защёлкал пальцами. — Маркус Элоиза Вольфмарк.

— А... к нему? — Переспросил Ганс и фыркнул. — Я к нему пока что не советовал подходить с такими темами, которые вы хотите у него спросить... Но вы можете спросить у меня. Всегда мечтал быть главным героем журнала. Я у вас там буду всадником на белом коне, а?..

— Но я ещё никому пока неизвестен, да и я не выпускаю журналы, а книгу. — Вдохнул я и вспомнив его последнее слово о коне неловко улыбнулся.

— Наша битва за Кхамронг тоже неизвестна... — Улыбнулся Ганс. — Но мы всё равно же в ней участвуем. А некоторые в нашем отряде хотели, чтобы кто-то узнал, и о них сделали легенды, истории, книги писали, фильмы снимали. И вот вы — можете осуществить мечту, поверьте.

Я напряг брови, но слушал на одном дыхании и тут же к моей руке потянулась его рука со скомканной бумагой.

— Я надеюсь, что этот дубликат вам можно доверить. — Сказал Ганс и ушёл.

— Постойте!

Ганс остановился.

— А что там?

Но Ганс повернув голову через плечо и ответил.

— На Кхамронге нашёл в одной из американских палаток.

— А там больше не было чего-то?

— Можете туда сами поплыть. — Издевательски пошутил Ганс и фыркнув, пошёл дальше. — Кхамронг походу уже никому не нужен...

И с этого я реально задрожал...

То есть как это? Подумал я. По приколу что-ли вас закинули?..

И... С того дня я его больше не видел в свои глаза.

А раскрыв комок — это оказалась тусклая карта джунглей с жирными пятнами от полевого кофе или коньяка.

Вот тогда я и поплыл... А мой старенький револьвер лязгал в кармане жилетки, ожидая адскую жару...

Но ожидал — явно не этого.

Глава 6: Мы чувствуем...

[Из личных записей. Элвис Рейксманн.].

Пятно... Пятно от чёрного кофе неаккуратно пролитой кружкой, нарисовала странный заострённый узор на кафельном белом полу. Но тут же синей тряпкой полностью пропала...

Охотничий магазин, который был первым и единственным на острове ЧВК, пользовался популярностью у штатских с идеальными отношениями с начальством и запасных офицеров, которые вместо сражений и 24-х часового дежурства ходили сюда и продавали свои пушки за деньги... а эти пушки покупали другие, которые либо теряли свое верное

оружие, либо оно взрывалось.

Один парнишка по имени... Фауст по званию сержанта. Фауст — имя которое дали ему немецкие родители, сходящих с ума от творчества Гёте и других классиков... Был этот парень туп, как угол. Посадили его значит под трибунал военная полиция за то, что тот выиграл в карты винтовку G36с у рядового Эрика пан Просвятлова и в этот же день продал эту винтовку в охотничий магазин...

Но Фауст не учёл того, что не смысл под складным прикладом номер шкафчика Эрика и там же были его инициалы как проклятие: Е.Р.

А также несмываемый клеймо этой пушки под дном цевья, который есть у каждого в Люгерхаунхерд: идентификационный номер с красными буквами.

Хозяин знатно прифигел от такого, так еще и этот Фауст в два раза дороже пытался впарить эту винтовку, пытаясь наврать, что это типа винтовка умершего знаменитого солдата и это именная винтовка. Реликвия почти. На вес золота.

Спёк значит этот хозяин-крыса, Фауста бедного сначала комиссии и потом уже дело дошло до полевого военного суда и дали парню срок на 2 года и разжалование до рядового за нарушение офицерского устава, этики... А также попытку продать оружие другого солдата или же на жаргоне — сослуживца.

А ведь этому парню еще повезло... Ведь он же остался на службе и после отсидки срока сможет как-нибудь прожить и

без звания...

То ли дело, когда приговаривают расстрелу или рубят голову... Но это уже совсем другая история и о ней постараюсь рассказать чуть позже.

А и кстати забыл рассказать о судьбе Эрика и его винтовки... Её этот продавец оставил себе и деньги которые получил бы Фауст тоже.

А на вопросы военной полиции просто сказал что Фауст когда не смог продать винтовку у него, убежал и смог продать её у кого-то другого, а деньги на одноразовые безделушки истратил...

И военная полиция даже не стала разбираться и слушать истерику Фауста: «Я не виновен! Я не виновен!»...

И просто отдали этого парня на страшный, военный, полевой суд...

[ЗАПИСЬ #103 / ЧВК-остров Люгерхаунхерд, СЕКТОР - ??? / «Люгерхаунхерд». Маркус Элоиза Вольфмарк — носитель. / 17:45].

Старый хрыч-хозяин закончил вытирать пол и снова стал за исписанную деревом кассу. Вокруг были разные трофеи, у дальней стены висела шкура медведя, недалеко от него крепкие пара лосиных рог, в которых, наверное, появилось столько паутины, что простой метлой не обойтись...

Также у стен, на полках и стеллажах лежали разное оружие по категориям.

Как тут старик поднял свои глаза, услышав шелест коло-

кольчиков у дверей... Рыжий парнишка. С перебинтованной головой, ладонями и пустыми глазами.

Недавно выписавшийся с больничного Маркус.

— Вам что-то подсказать? — Спросил продавец, наверняка готовясь к тому, что ему что-то да продадут.

Маркус молчал. Ни слова не проронил, он шагнул и прошёлся по чистому полу, сразу же всё загадив чёрными следами, проходил по стеллажам.

На секунду он вспомнил...

Как влюбился в свой М870 в первый раз. Даже исписав на бумаге свои мысли...

«Дробовик — это мало потерь и много ударов. Дробовик — это охота. Дробовик — это природа. Дробовик — священен. Пока с винтовкой ты целишься, с дробовика ты уже стреляешь. Природа создала воздух и дерево, а человек создал дробовик...»

— Дробовик. — Вернувшись в реальность, сказал Маркус в пустоту всё ещё немым взглядом смотря на стеллаж.

— Простите? — Спросил сзади стоящий продавец.

— Дробовик... У вас есть дробовики?

— Боевые, охотничьи, помпо...

— Помповые. — Сухо перебил Маркус. — Проверьте, чтобы не был исписан маркером и списан с нашего военного завода.

— Хорошо, у меня есть кое-что для вас...

Маркус облокотившись локтями и спиной к кассе, ожи-

дая.

— Эта красавица вам подарит победу. — Улыбаясь говорил старик, который нёс в обеих руках...

Чёрный помповый дробовик Mossberg M500 с коллиматорным прицелом и прикреплённым фонариком на стволе.

Маркус смотрел на оружие со спокойным взглядом, но в душе появилось тёплое чувство нового приобретения, тем более того, что сам захотел.

— Лицензия у вас есть?

— Есть. — Сказал Маркус, который достал из кармана, принесённый из дома выцветший документ в папке.

— Дети дома есть? — Пошутил оружейник, но прокашлявшись спросил более серьезно. — может сейф по скидке?

— Нет и не будет... И сейфа тоже.

— В общем, для патрулирования и близких контактов этот дробовик подойдёт, двенадцатый калибр, высокая пробивная способность, но меткость будет хромать, да и вообще я бы вам не советовал брать дробовик на фро...

— Мне нужен дробовик.

Продавец молча нахмурился.

— Ладно, но я вас предупредил ... — Замолчал продавец, что-то клада за кассой. — Полторы тысячи евро и ещё коробка патронов по тридцать две штуки, ещё двести евро, патронташ будет нужен?

— У меня дома есть. — Ответил Маркус, даже губы высохли.

Недоверчиво и с паузами расплатившись своими последними сбережениями, мужчина положил дробовик, патроны и сложив патронташ в стальной оружейный кейс.

— Поздравляю с покупкой и будьте осторожней. — Радостно сказал продавец, но Маркус не почувствовал теплоту поздравление, сверля старика взглядом. — Кхе-кхе... Берегите себя.

Маркус молча забыв о радости покупки, взял кейс обеими руками, а затем в левую руку, поплёлся к выходу...

Выйдя на улицу, он осмотрелся вокруг. На окнах многоэтажных апартаментов, отражались жёлтые лучи солнца, по горячему тротуару проходили безоружные пацаны и офицеры без фуражек.

Однажды он потеряет всё и может тогда этот дьявол в погонах Франц, обрадуется?

Вернувшись домой, он с порога уже почувствовал приятное ощущение прохлады и свежести кондиционера...

Сняв боевой китель, попятился в ванную.

Открыв кран, он в ладони зачерпнул воду и ударил по лицу... Но тут же уставился в зеркало. Вода стекала по подбородку, а вода урчала из крана.

Джунгли. Он споткнулся и упал в лужу с грязной водой.

Маркус опустил голову и его будто бы током пробило, что перестал чувствовать конечности.

Он не там. Он здесь, у раковины и моет своё лицо.

Но в голове будто бы он там, не может выйти... Но шеп-

тал, чтобы изгнать из головы.

— Я не там... Я не там... Я не...

Снова посмотрел в зеркало.

Ванная комната, душ и открытая дверь с видом на кухню.

Выскочив ко всем чертям оттуда, он направился на кухню и открыв холодильник, взял холодную бутылку тёмного пива...

Он сел медленно на кровать, так и не открыв бутылку.

Мир стал снова серым, спокойным и густым, походило такое лёгкое плавающее по реке мыслей чувство, что завтра всё будет прекрасно...

— Сомневаюсь, Маркус, я сомневаюсь. — Послышался в голове знакомый голос, как будто бы он уже слышал его, наверное, вчера, а может...

— Калиго... — Сказал Маркус, почувствовав свои губы, сознание и открыл глаза, но оказался не в комнате, а снова перед Калиго сидящим на кресле как король, закинув одну ногу на другую. Но в нём что-то изменилось... На пустой разгрузке, без шевронов и подсумок, висела чёрная нателённая камера, у которой мигала красная лампочка.

— Браво, Маркус, мы с тобой так давно не общались... — Радостный и удовлетворённый говорил Калиго. — Но твоя камера снимала для меня все.

— Век бы тебя не видел...

— Ну-ну-ну, я скучал, и за это время уже побыл в твоей голове... Тут уютно, очень уютно.

— Ты не сон?..

Маркуса будто бы ударило молотом по голове. Руки онемели, но ноги стояли.

— Я могу быть для тебя кем угодно, но буду приходить вместо снов и кошмаров.

— Ты читаешь мои мысли?! — Не сдержавшись, рявкнул Маркус.

— Могу, но не хочу... пока.

Калиго засмеялся, смех напоминал мойку окон, и сделав вдох, он быстро поднял голову, слепо посмотрел на Маркуса.

— А хочешь я тебе предсказание предоставлю?

— Предска...

— Завтра ты потеряешь то, что меньше всего захочешь потерять...

— Что?

Калиго хлопнул в ладоши, и Маркус провалился под пол.

Тут же сдирая свои голосовые связки, проснулся в своей кровати. Вся пропиталась холодным потом...

Хотел что-то сказать, но в голову мысли и слова не шли, бил озноб, а голова раскалывалась.

На улице светлая ночь, вдалеке горели огоньки зданий. Подскочив с кровати, он тут же оглядел глазами комнату, увидев на столе закрытую бутылку пива, схватил её за горлышко, открыл с размаху и сделал глоток...

Пена текла по подбородку, пот капал по виску, истощенные скулы, которые приняли форму черепа буквально дро-

жали.

И не заметил всё что было в стеклянной бутылке, испачкав рубашку ещё раз.

И он смог сделать вдох, приоткрыл окно рядом на проветривание и снова сел на кровать.

Маркус смотря в окно, не прекращал думать о словах в голове, о предсказании и снова подумав о тех джунглях и парнях...

Тех что оставил там умирать, тех что практически бросил потому, что самому не смог выбраться...

Опустил голову к коленям, не прекращая реветь как ребенок.

— Я не хотел... Я ничего не хотел. — Повторил Маркус, вспоминая то лицо журналюги... Меня. — Не хотел...

Глава 7: Мы веселимся...

«Самая чистая операция — та, где нет героев, нет выстрелов и нет свидетелей». Ричард Хелмс.

Наступило утро, которая старалось не обещать беды.

Коридор «Люгерхаунхерд» всё также светился яркими лучами солнца через окна.

— Так ладно, я тебя наслушался... Что там с полковником? Видел сколько медалей на груди у него висело? Наградили походу... — спросил Ганс и тут же ответил на свой вопрос Лютер, тихо усмехнувшись. — А у меня даже маленькой бронзовой нет. Я же ведь... «Бронзовая молодежь Германии!».

— Видел, но он сегодня психованней обычного. Бегал по базе и метался как коза.

— Ха-ха... Ну да... Наверное опять места для братской могилы не хватило... Сколько трупов вывезли сука, зато хотя бы нам тройную порцию в столовой раздали.

— А ещё и деньги по контракту задерживают. Надоел он своими «завтраками» кормить. Я банально кушать хочу, а один чёрт «денег нету», а здесь... Сам знаешь как кормят. — Сплюнул в окно Ганс и ботинком пнул воздух. — Такие дела...

— Кстати, Маркус где?

— Ставлю ставку сколько он раз упал от отдачи своей этой бандуры.

— Это же М500 ещё и красивый такой, не будет же он ломать ему плечи...

Полигон пах свежим порохом и пылью залетавший метко в нос...

Маркус опустевший сидел на траве, пальцы дрожали от тяжести ружья, а затылок противно пекло через шлем.

— С таким дробовиком я не доживу вообще... — Промямлил Маркус.

Но тут же услышал громкий и звонкий свист за спиной.

— Маркус, полковник собирает, шевелись! — Махал ему Ганс. — У нас новая партия рядовых! Зеленые совсем!..

Маркус ещё какое-то время смотрел на коллегу, но застегнув рубашку, натянув на тело жилет и патронташ в подсу-

мок, пошёл за ним...

Небо было чистым, таким спокойным и голубым, как бывают голубыми моря. Солнце было ярким и весело играясь своими лучами, освещала окна домов и зданий.

— Рад вас видеть, друзья! — Крикнул за тёмной трибуной Франц.

— Так точно, Герр-полковник! — Хор прогремел по актовому залу. Голоса практически детские, возраста 18-19 лет.

На первых рядах сидели другие солдаты, словно замена старым.

— Отлично, сегодня я хочу вас познакомить с нашей... новой проблемой. — сказал полковник, всех своим маньячным и стариковским взглядом прожигая. — среди нас, среди других островов, появилась опухоль хуже Волги и всего что было. Организация И.С.В.О... Может вопросы?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.